

ЮЛИЯ ЕФРИМОВА

Победитель конкурса
«Со слов очевидцев 2023»

Лучший
современный
детектив

Литрес

ИГРА

ВЫНУЖДЕННЫХ УБИЙЦ

18+

Юлия Ефимова

Игра вынужденных убийц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68455178

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91947-1

Аннотация

31 декабря.9 часов утра.10 человек случайно оказываются в приемной директора делового центра «Абсолют».Им придется сыграть в «игру вынужденных убийц».Неподчинение влечет наказание.Что от них хотят: раскаяния или денег?Выйдет ли кто-нибудь из этой странной игры живым?Это знает только ведущий. Кто он?«Добрый» Дедушка Мороз.С новым годом – игра началась.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	53
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юлия Ефимова

Игра вынужденных убийц

*Приветствую тебя, мой дорогой читатель!
Уверена, что ты с нетерпением ждал встречи, ведь
мои книги написаны для отдыха. Я очень бережно
вложила в эту историю все, что хотела бы сказать
тебе по секрету. Давай скорее открывай первую
страницу. Мы будем сплетничать и рассказывать
друг другу небылицы, выдавая их за правду. Как
давние подружки, что не виделись сто лет,
постараемся украсить свои истории и посетуем на
несправедливость жизни.*

*Надеюсь, ты помнишь: все, что я пишу, и
эта книга в частности, – плод моих фантазий.
Все совпадения в ней совершенно случайны
(историческая линия в том числе).*

*«Вся наша жизнь – игра», – сказал Шекспир.
Я спорить с классиком не буду.
Ведь повидав настолько разный мир,
Я замечала стиль игры повсюду.*

*Играют дети, дамы, господа
И девушка в объятьях ухажера:
Она такая душка не всегда,
Играет, чтоб пленить партнера.*

*Играет старый мудрый педагог,
Из речи выплетая кружева,
Но только дай ему предлог,
Он тут же вспомнит крепкие слова.*

*В политике играют дипломаты,
На сцене – Гамлеты, в фойе – шуты.
Хоть правила не всем понятны,
Зато причины всем ясны.*

*И от того, как ты играешь роль,
Талантливо или совсем бездарно,
Ты сеешь повсеместно боль,
Промахиваясь постоянно.*

*«Вся наша жизнь – игра», – сказал Шекспир,
А люди все бездарные актеры.
Уйдя со сцены, нам прощальный пир
Закатают победившие партнеры.*

Пролог

30 декабря

Среди сидящих за столом не было ни мужчин, ни женщин – лишь винтики одной большой игры, одной большой аферы, которая намечалась на завтра.

– Может, все же не стоит этого делать? – прозвучал тихий вопрос.

На него не спешили отвечать, а на спросившего посмотрели с сочувствием.

– Мы несем справедливость, а где справедливость, там и правда. Русская народная пословица, между прочим, – все

же ответил ему один из присутствующих, словно пожалев струсившего человека.

– Что за чушь, это-то тут при чем? – психанул тот, кто предложил остановиться.

– Русский народ веками собирал мудрость в пословицы и передавал ее потомкам. Столетиями, даже когда еще не было письменности, они передавались из уст в уста и как бы закреплялись в генетическом коде нации. Это все делалось, чтоб сохранить нашу идентичность, наше чувство справедливости, если хотите, а ты говоришь – чушь. Нет, не чушь. И ты, и я – мы оба знаем, что если завтра не добьемся этой самой справедливости, то счастливыми мы себя уже не почувствуем. Никогда. Мы должны перевернуть эту страницу, чтоб идти дальше. Так что все: разговоры окончены, роли расписаны, план выверен до секунды. Назад дороги нет.

Глава 1

Дурак встречает Новый год каждый раз хуже прежнего¹

– Не грусти, котенок! – отец вел машину по еще не проснувшейся Москве и поглядывал на соседнее сиденье, стараясь угадать настроение дочери. Он всегда так делал, потому что хотел угождать своей принцессе. Александрия, как только ей исполнилось двенадцать, сразу пересела на переднее сиденье, заявив, что она теперь взрослая и на заднее уже не вернется. Отец был против, но, как всегда, уступил под напором дочери. Ия знала о своем влиянии на отца и периодически этим пользовалась.

За окном была всепоглощающая тьма: зима не разрешала солнцу вставать рано. Первые лучи начнут пробиваться только ближе к девяти, даря людям надежду. Надежду на то, что добро победит зло, свет тьму, а зима рано или поздно уступит лету. В свои двенадцать Александрия была уверена, что «надежда» – это самое важное слово на земле, что надежда спасает и только люди, потерявшие ее, гаснут, как свечки на торте. Ия искренне считала, что вера в хорошее – это главное, что отличает людей от животных.

¹ Здесь и далее в названиях глав используются русские народные пословицы.

– А у меня сюрприз, – сказал отец и ловко одной рукой достал сумку с заднего сиденья. – Там в термосе чай и твои любимые эклеры, доставай, – произнес он весело, пытаясь поднять дочке испорченное с самого утра настроение.

Первый раз с момента своего пробуждения Александрия улыбнулась, и отец удовлетворенно вздохнул, словно добился желаемого результата.

С наслаждением поглощая воздушные пирожные и запивая их горячим чаем, оба вглядывались в темноту дороги, которую сейчас, прямо у них на глазах, как старый волшебник, старалось рассеять солнце своими первыми лучами. Это было завораживающе прекрасно, словно свершалось волшебство или ловкий взмах палочки фокусника оживлял планету.

– Расскажи ту историю, – тихо попросила Ия.

– Сто раз уже, – нехотя ответил ей папа, продолжая жевать эклер.

– Расскажи, – настойчивее повторила девочка.

– Ну хорошо, – сдался отец. – Много тысяч лет назад в Южной Америке, в Боливии, появился город Тиуанако. Его построила одна из самых загадочных древних цивилизаций на высоте почти четырех тысяч метров над уровнем моря к югу от озера Титикака. Это, кстати, высочайшее в мире судоходное озеро, самое крупное в Южной Америке по запасам пресной воды. Оно скрывает множество неразгаданных тайн, например, археологи нашли на дне этого озера руины городов и человеческие скульптуры, точно такие же, как в горо-

де Тиуанако, а на его склонах обнаружили следы морского прибоя. Это можно объяснить лишь тем, что раньше озеро находилось на четыре тысячи метров ниже и было морским заливом, но, как могла пройти подобная метаморфоза, ученые пока сказать не могут.

– Давай про Тиуанако, – направила его рассказ Ия.

– Так вот, – легко согласился отец, отправляя в рот очередной кусок пирожного, но уже приняв его из рук Александрии, так как со своим он расправился. – Люди, жившие в том городе, легко общались с богами и обладали знаниями, какими не могли похвастаться их современники. Например, обработанные камни в стенах зданий делались настолько идеальными по своей форме, что между ними нельзя было протиснуть нить, что для ручной работы почти невыполнимая задача. Цивилизация владела обширными землями от нынешней Боливии до Аргентины, и они были все засажены разными растениями, которые кормили этих просвещенных людей. Но главным городом все же был Тиуанако. Он был построен согласно солнечному циклу, и потому все постройки города были хорошо освещены. Считается, что на момент расцвета этого города в нем проживало до двадцати тысяч человек и была в нем даже обсерватория. Наблюдая в специально проделанные отверстия в камнях за звездами и перемещением светил, жители Тиуанако понимали, когда лучше сажать растения или собирать урожай, у них даже был свой календарь. По центру города возвышался величествен-

ный храм Каласасайя – крупнейшее строение древнего города. При его постройке уклон был сделан к центру здания, который служил уникальным на тот момент водостоком с отводом дождевой воды. Есть в храме Каласасайя еще одно чудо, которое можно увидеть и по сей день, – четырехугольное отверстие в стене. Приложив к нему ухо, можно услышать все, что творится на огромном расстоянии от него. Возможно, так жители города узнавали о незваных гостях и успевали подготовиться к их приходу, оттого их цивилизация и просуществовала так долго. Эффект этого устройства до сих пор не разгадан.

– Расскажи про стену, – попросила Ия.

– На одной из стен храма Каласасайя, – продолжил отец, – есть множество высеченных из камня лиц. Все они, абсолютно все, разные по форме, словно неизвестный скульптор изображал настоящих людей, пытаясь воссоздать внешность каждого. Есть легенда...

– Пап, не говори «легенда», – строго поправила его Ия.

– Хорошо. – Василий улыбнулся и погладил дочь по голове. – Однажды жители Тиуанако спустились в нижний мир, под озеро Титикака, и там построили себе новый город. Сделали они это, как только начались изменения климата и заниматься растениеводством стало практически невозможно. Также на это решение повлияли соседи, которые перестали верить в богов, и зло начало захватывать их души. Они пытались вынудить жителей Тиуанако использовать великие зна-

ния для ужасных вещей. Тогда и было решено, что под озером им будет спокойнее и никто не заставит их пускать знания, дарованные богами, на строительство империи зла.

– Но они не могли просто бросить Землю, – подхватила Ия рассказ на любимом моменте.

– Конечно, они чувствовали ответственность за планету и тех людей, что продолжили жить на поверхности, а потому оставили там своих поверенных. Считается, что в той стене не просто лица, а закованные в вечность хранители правды и справедливости. Они должны были наблюдать и дарить людям истину, испуская из своих глаз лучи света. Эти лучи устроены так, что их смогли бы почувствовать хорошие люди в любой точке планеты, совершая великие открытия для ее спасения, а вот для плохих лучи были бы невидимыми. Но глупые представители человечества тысячелетиями старались утащить хоть камушек из этой стены, тем самым лишая стражей силы. Потому как, чем меньше останется от изображения, тем слабее оно будет. Если найти такой камень, принести к храму лиц и вставить его на свое место, именно туда, откуда он был украден, то в благодарность боги простят все твои грехи, а мир станет чуточку лучше.

– Но даже немного этого света для нашей планеты – это очень важно, – уверенно закончила рассказ отца Ия и довольно выдохнула, словно сейчас все встало на свои места.

Пейзаж за окном начинал оживать, и редкие люди, почему-то спешащие куда-то в девять утра 31 декабря, закутав-

шись в шарфы, боролись с холодным ветром.

У Александрии был такой камень. Ее дед, которого она, к сожалению, не застала, был археологом и участвовал в экспедиции в тот сказочный город. Но даже будучи человеком образованным и сведущим, он не удержался и поступил, как и все туристы, увезя оттуда камень из стены, фрагмент лица, о чем жалел потом всю свою жизнь. Однажды, когда камень уже был у него в коллекции и лежал на полке, как и все подобного рода сувениры, собирая московскую пыль, он нашел записи одного своего коллеги, жившего еще в царской России. В них тот описывал разговор с местным жителем и эту легенду, в которую в окрестностях Тиуанако верят безоговорочно. Загоревшись идеей, дед собрал множество упоминаний об этой истории в разных источниках, в том числе в архивах Русского географического общества, и навязчивая мысль отвезти камень обратно прочно поселилась в его голове. Она, словно муха, которую отгоняешь, но та садится на тебя снова и снова, будоражила сознание уже пожилого на тот момент человека. Но смутное перестроечное время не позволило ему это сделать: тогда приходилось думать, как выжить, тут уж не до путешествий в Южную Америку.

Василий с детства читал Александрии записи своего отца как сказку, но не простую, а подтвержденную артефактом, настоящим камнем, что лежал на полке. Он сам не верил в это, считая историю простой легендой, а потому спокойно отдал камень дочке как талисман. Александрия же, напро-

тив, поверила в нее безоговорочно и, когда ей было скучно или тревожно, сжимала камень в руке, мысленно обещая себе когда-нибудь отвезти его на место. Василий, когда видел в глазах дочери эту непререкаемую веру, даже ругал ее, объясняя, что это все сказки, но дочка его не слушала.

«Какое мне загадать желание на Новый год? – подумала девочка про себя. Спрашивать отца было бесполезно, он и так сильно переживал. – О желании надо побеспокоиться заранее, потому что в двенадцать можно не успеть и загадать какую-то глупость».

Так у нее получилось в прошлом году. Подняв бокал с лимонадом за праздничным столом, Александрия в последний момент поняла, что не продумала желание хорошенько. Нет, конечно, желаний у нее было много, но, когда куранты уже били и надо было произнести одно из них про себя, она стала в спешке загадывать все подряд.

«А так быть не должно, это неправильно, желание должно быть самым важным. Может, загадать, чтобы камень вернулся на свое место? Ведь даже немного света для планеты – это важно».

– Ну что, мы приехали, – сказал отец со вздохом. Александрия каждой клеточкой своего тела почувствовала, как сильно он не хочет туда идти.

– Так надо, – вдруг сказал он вслух, словно услышав мысли дочери.

Перед ними было высокое здание, все из стекла и бетона,

похожее на красивый карандаш, воткнутый каким-то великаном в центр небольшой площади. От вида этого странного сооружения и одинокой, качающейся у входа на ветру елки у двенадцатилетней девочки тоже засосало под ложечкой.

«Это от сладкого», – успокоила себя Александрия и улыбнулась отцу:

– Ну, надо – значит, надо, – сказала она как можно бодрее, открыла дверь и шагнула в метель.

Глава 2

Смерть да жена – Богом суждена

Дверной звонок не переставал верещать ни на секунду, словно незваный гость нажал на него и не отпускал. Даша знала имя этого гостя – это была квартирная хозяйка Вера Сергеевна. Они с девчонками просрочили платеж по аренде уже на два месяца, и она пришла за реваншем. Более того, Даша была почти уверена, что женщина стоит там уже с полицией, чтобы выгнать непорядочных квартиранток навсегда. Девчонки, с которыми она делила квартиру, уехали кто куда отмечать Новый год, и лишь Дашке пришлось остаться, ведь она только-только устроилась на хорошую работу. Девушка, конечно, понимала, что ей придется держать оборону от квартирной хозяйки в одиночестве и предлагала соседкам все же сброситься и оплатить хотя бы месяц задолженности, но девочки отвергли ее доводы.

«Понимаешь, – сказала Вика, девушка грубая и знающая, чего хочет от жизни, – впереди новогодние праздники, и, если мы сейчас отдадим ей последние деньги, на что жить будем? Вон ты с нами уже третий месяц, а еще ни копейки не внесла. Подождет хозяйка, куда денется, ты только дверь ей не открывай».

Но не открывать дверь, похоже, не получится – Даша опаз-

дывала на работу уже довольно прилично.

Можно, конечно, было попросить Веру Сергеевну подождать до первой зарплаты, но такая отговорка была месяц назад, и хозяйка, скорее всего, второй раз ее уже не примет. Хотя сейчас работа действительно существовала, но, как говорится в знаменитой притче, нельзя кричать «волки, волки», ведь когда они придут на самом деле, тебе уже никто не поверит.

Время бежало неприлично быстро, и Дарья поняла, что если она сейчас же не откроет дверь, то точно опоздает на работу – и тогда всему придет конец.

– Вера Сергеевна, здравствуйте! – сказала она, словно очень удивилась приходу квартирной хозяйки, а не стояла двадцать минут под дверью, дрожа от страха.

– Значит так, милочка, – жестко сказала женщина, одним движением убрав Дашу с дороги, – судя по тому, с какой скоростью вы открывали дверь, оплаты опять нет. Борисик, заходи, – фамильярно обратилась она к участковому, топтавшемуся на пороге. – Я на вас уже не надеялась, и даже если бы ты не открыла, а заперлась изнутри на щеколду, то мы с Борисиком все равно бы победили дверь с помощью нашего слесаря.

– Вера Сергеевна! – Даша взмолилась, взглянув на часы. – Ну сегодня же 31 декабря, Новый год, дайте время хотя бы до конца выходных! После праздников девочки вернутся, и мы заплатим.

– Значит, на гулянки у вас деньги есть, а заплатить за жилье, как честные люди, нет?! – еще больше разозлилась квартирная хозяйка. – Если ты сейчас же не уберешься из квартиры с вещами, я выкину их в окно. А тебя посажу, – добавила она спокойно, без тени сомнения в голосе. – Борисик подтвердит, что сюда ворвалась бандитка и напала на бедную пенсионерку в ее скромном жилище.

Даша поняла, что проиграла. Быстро сложив вещи девочек и свои, с тремя сумками она выкатилась на площадку и позвонила в соседнюю дверь. Этот дом был настолько старым и пахнувшим затхлым адом, что в нем жили не обычные люди, а отчаянные покорители Москвы, готовые существовать в самом ужасном месте, лишь бы было дешево. К слову об исключениях из правил, Даша была коренной москвичкой, но у нее была другая, не менее печальная история.

– Что там у вас? – из соседней квартиры осторожно выглянула Лейла, миниатюрная узбечка. – Ой, там что, Борисик?! – испугалась девушка, заметив маячившего в проеме соседней квартиры участкового, и попыталась тут же закрыть дверь.

– Возьми сумки, – моментально среагировала Даша, просовывая их в образовавшуюся щель. – Мне на работу надо.

– Только две, места совсем нет, – согласилась Лейла и быстро захлопнула дверь.

Даше этого было достаточно. Оставив сумки соседок и схватив свою, она рванула на работу в надежде, что еще успе-

ет или хотя бы сможет оправдаться. Шанс оставался, потому что старенькая пятиэтажка, где они с девчонками снимали квартиру, по какому-то недосмотру московского архитектора соседствовала с шикарным, современным бизнес-центром, в который устроилась Даша. Она считала это рукой providения, хорошим знаком, словно говорившим, что все, черная полоса закончилась, и теперь будет только хорошее, теперь удача навсегда с тобой. Тебя простили.

Видимо, Даша ошибалась. О том, что она осталась без жилья и ей негде не то что отмечать Новый год, но и просто переночевать, девушка старалась не думать.

Едва старая железная дверь подъезда распахнулась, как в лицо ударил порыв морозного воздуха, влепив девушке пощечину. Резко захотелось расплакаться. Странная женская психика: только что, когда ее с вещами выгоняли из квартиры, не хотелось, а вот от ледяного ветра слезы навернулись на глаза. Наверное, потому, что это было сродни предательству. Ладно люди, Даша уже давно в них не верила. Еще восемь лет назад она поняла, что все чрезмерно строги к проступкам других и не умеют прощать. Они жестоки, и стоит только оступиться, как, возомнившие себя святыми судьями, представители человечества набрасываются на тебя, стараясь разорвать на куски. Но вот от природы она такого не ожидала. Дарья верила, что мир живой, и если с ним дружить, то он будет беречь тебя, а тут, после всех унижений сегодняшнего утра, – еще и снегом в лицо!

Слезы накатили и тут же превратились в льдинки от новогоднего мороза, поэтому Даша бежала по знакомому тротуару почти на ощупь, волоча за собой тяжелую сумку. Из-за слез в глазах она не заметила пологую часть тротуара, с утра превратившуюся в горку, и, совершив пируэт, больно упала с высоты своих каблучков на покрытый снегом асфальт.

Это было и больно, и обидно одновременно. Какой-то особенно жалобный крик вырвался из груди и потерялся, увязнув в метели. Понимая, что худшее уже случилось, Дарья не боялась размазать тушь и стряхнула застывшие в глазах слезинки. Встать не получалось, а люди, спешащие на работу 31 декабря, пробежали мимо, стараясь не замечать лежащую на земле девушку. Никто даже не повернул головы, никто не остановился, но именно этот ужасный факт заставил Дашу успокоиться. Она вспомнила, что люди – жестокие существа, плачем и криками их не разжалобить. Поэтому, перестав стонать, она выдохнула и стала ощупывать свое тело, стараясь понять, сломала ли она себе что-то или ей повезло отделаться ушибами.

– Вам помочь? – вопрос прозвучал неожиданно. Даша перестала ждать от людей помощи и поэтому сосредоточилась на себе.

– Обойдусь, – буркнула она, даже не взглянув на доброго самаритянина.

– Все же разрешите я вам помогу, – настаивал мужской голос. Вдруг Дашу подняли с земли вместе с ее огромной

сумкой, словно пушинку, и поставили на ноги.

Оказавшись в вертикальном положении, она улыбнулась – похоже, все кости были целы. В некоторых местах, в частности на пятой точке, побаливали мышцы, но это были мелочи, максимум синяк. Сейчас главное – вновь бежать, втыкаясь каблуками в тонкую снежную корку на тротуаре; бежать, чтобы сохранить работу, чтобы выжить в этом жестоком мире, выжить назло всем.

– Спасибо, – бросила Даша мужчине.

Это был район красивых небоскребов и сверкающих панорамных окон. Пятиэтажка, где до сегодняшнего утра снимала квартиру Даша, будто старая бабушка, доживала свой век под сенью чудом сохранившихся лип. Ей были не рады молодые и красивые родичи, но терпели из уважения или из тайной надежды, что ее век вот-вот подойдет к концу и надоевшей престарелой родственницы, наконец, не станет.

– Не за что, – ответил ей спаситель, и Даша все же решила взглянуть на него.

У мужчины был крупный нос и умные глаза, из-под элегантной фетровой шляпы виднелись смоляные волосы. «Восточный мужчина», – мелькнула догадка.

– Давайте я помогу вам донести сумку до метро, – не успокаивался доброхот, чем вызвал еще больше недоверия.

– Не надо, – Даша вырвала свою дорожную сумку у него из рук. – Я уже пришла, мне в «Абсолют», – махнула она рукой в сторону делового центра, который возвышался на площади

стеклянным карандашом.

– Так и мне туда, – улыбнулся мужчина и сразу показался куда приятнее, чем на первый взгляд.

«Или, может, он француз?» – вдруг подумалось Даше. Она никогда не бывала во Франции, да и если честно, никогда не видела живых французов, но представляла их именно такими – высокими, красивыми и жутко галантными, с черными волосами и большими носами. Этот образ был навеян молодым Венсаном Касселем, в которого была влюблена когда-то Дарья и бережно хранила эти детские чувства в своей душе. Когда мужчина улыбнулся, у него появился какой-то особенный шарм, словно он что-то знал такое, о чем Дарья даже не догадывалась.

– Я очень тороплюсь, – почему-то начала оправдываться Дарья, но уже не вырывала свою сумку, а наоборот отпустила ее, перестав постоянно дергать.

– Я тоже, – ответил то ли француз, то ли восточный мужчина и повесил Дашин баул себе на то же плечо, где у него висел небольшой футляр. – Давайте торопиться вместе, тогда это у нас получится намного лучше.

Почему-то поверив незнакомцу, Даша оперлась на галантно предложенный ей локоть, и они, словно пара супругов, проживших вместе десять лет, направились в деловой центр. На миг в голове Дарьи даже мелькнула шальная мысль: может быть, все получится, Новый год и все такое. Возможно, она все-таки сумеет стать счастливой, и это ее подарок от

Деда Мороза? А вдруг, именно этот Новый год станет переломным, и в свои двадцать семь лет Даша, наконец, заслужила у вселенной прощение и вытянула выигрышный билет?

Если бы тогда, в девять часов тридцать минут 31 декабря, она знала, как сильно ошибается, то, возможно, ни за что бы не вошла в деловой центр «Абсолют».

Глава 3

С добрыми дружись, а лихих берегись

Лифт оказался переполнен, что было само по себе странным в девять утра 31 декабря.

Обычно в этот день люди просыпаются поздно, ставят варить овощи для винегрета и оливье и смотрят старые фильмы. Те, конечно, уже порядком набили оскомину, и все, абсолютно все, знают диалоги из них наизусть, но – традиция, куда уж от нее деться.

Полина Петровна Заруч любила традиции, она считала, что именно на них и держится все: семья, страна и даже нация. Поэтому к своим пятидесяти годам просмотрев эти фильмы уже миллион раз, с удовольствием сделала бы это снова, но, видимо, не в это предновогоднее утро. Сегодня пришлось встать пораньше и тщательно собраться. Так как Полина Петровна давно уже не выходила в люди, то разучилась это делать быстро. Руки предательски дрожали, и даже тушь для ресниц несколько раз пыталась выскочить и щеткой ударить больно в глаз. Ранний подъем дал ей фору, и к моменту, когда надо было выходить из дома, Полина Петровна уже была в полной боевой готовности. Седые волосы, которые, надо сказать, шли ей, она уложила аккуратным ка-

ре, немного подкрутив концы утюжком. Глаза все же удалось накрасить, сделав их из бесцветных яркими и почти такими же голубыми, как в молодости. Костюм, который она надевала редко, оставляя, так сказать, на выход, сидел на ней по-прежнему идеально, придавая ее образу интеллигентности.

Метро оказалось ожидаемо пустым, редкие пассажиры улыбались друг другу, а самые веселые даже поздравляли всех вокруг с наступающим Новым годом, что делало это утро каким-то особенным, волшебным, что ли. Но на душе у Полины Петровны было очень тяжело. Появился шанс, что после стольких лет давняя рана затянется именно сегодня, и ей хотелось избавиться от этой боли навсегда. Однако, существовал и страх вновь обмануться.

Радостные лица в метро были знаком, что все будет хорошо, что сейчас она делает все правильно, по крайней мере, Полине Петровне хотелось в это верить. Под землей, в комфортном новом вагоне метро витал призрак праздника и надежды на счастье.

Чего нельзя было сказать о лифте офисного здания, куда направилась с утра пораньше Полина Петровна. Он не просто был забит хмурыми и чем-то озабоченными людьми, но и как-то натужно полз вверх, словно был установлен не в современной высотке из стекла и бетона, а в хрущевке, где прослужил уже более сорока лет. Мальчишка-доставщик неуклюже старался пристроить свой большой терморюкзак, который мешал всем в заполненном лифте. Полина Петровна

по привычке пожалела его, как жалела всех молодых людей, которым приходилось выживать в этом жестоком мире. Даже решила, что если кто-то фыркнет на него, то она тут же даст хаму отпор, но люди молчали, погруженные в свои почему-то невеселые в канун праздника мысли. Громоздкие пуховики и дубленки, словно скафандры, защищали пассажиров не только от холода, но еще и от необходимости контактировать с остальными. Спрятавшись в свои шапки и шарфы, они словно разрешали себе быть некультурными: никто из входивших в лифт не соизволил поздороваться, а на тихое «Доброе утро» от Полины Петровны ответила лишь девочка лет двенадцати, да рыженькая девица на высоченных, неуклюжих шпильках. Остальные предпочли сделать вид, что не слышали. Хотя, по правде говоря, могло быть и так: Полина Петровна по своим ученикам знала, что многие сейчас носят под шапкой наушники и не реагируют на внешние раздражители.

– А почему здесь нет тринадцатого этажа? – вдруг нарушила тяжелое молчание вежливая девчонка, указав на панель, где действительно не было этой цифры. Именно это прелестное создание поздоровалось с Полиной Петровной, и сейчас, видимо, она тоже чувствовала себя не вполне комфортно в этой тягостной тишине.

– На многих самолетах и круизных лайнерах, а также в гостиницах это число под запретом, – ответил ей мужчина с лихим черным чубом, скорее всего, отец девочки. – Суеве-

рие, но люди сейчас не менее подвержены ему, чем в Средневековье.

– А почему именно тринадцать – несчастливое число? – не унималось любопытное дитя.

– Версий масса, одна из них, что поверье идет от Иуды, который присоединился к столу на Тайной вечере тринадцатым и после нее предал Иисуса, – ответил ей отец, и, казалось, познавательную лекцию слушали уже все, а не только девочка. Но продолжить рассказ мужчине не удалось – лифт остановился на двенадцатом этаже, и все стали покидать неприятное, тесное пространство.

Полине Петровне показалось немного странным, что всем, как и ей самой, понадобился именно двенадцатый этаж, но она отогнала эти мысли. Чего ей бояться? Все самое страшное в ее жизни уже произошло, а вот разобраться в прошлом очень хочется. Это желание вновь придало сил, она откинула всякие сомнения.

Женщина вышла из большого лифта последней, тот закрылся за ее спиной, словно сказав тем самым: «Обратной дороги нет». Полина Петровна шагнула в неизвестность, ведь ей действительно уже нечего бояться.

Если бы она знала, что ее ждет в ближайшие несколько часов, то наверняка бы вспомнила выражение польского поэта и философа Станислава Ежи Леца: «Когда я думал, что уже достиг самого дна, снизу постучали».

Глава 4

Удача – спутник смелого

Константин считал себя везунчиком и точно знал, что продал за это душу дьяволу, несколько не пожалев при этом. Он даже помнил момент «сделки». Помнил, но вспоминать не любил. Да и зачем все эти воспоминания, они никому не нужны. Константин даже фотографии хранить не любил – ни в телефоне, ни в рамках, потому как считал, что жить нужно только сегодняшним днем. Прошлое исправить нельзя, вернуть тоже, так к чему все эти сантименты и душевные терзания? Была у Константина такая теория, что человеческий мозг может вместить определенное количество информации, поэтому считал нужным держать в уме только то, что нужно для жизни либо для достижения цели, а воспоминания всего лишь засоряют память, не оставляя места для действительно нужной информации. Даже мать и отец остались у него в памяти лишь в виде смутных образов, в знак того, что они существовали в принципе.

Хотя нет, все же одно воспоминание он сохранил, оно было особенным – своеобразным напутствием по жизни.

«Нам рано жить воспоминаниями», – эту строчку он запомнил, потому что ее любила петь мама, когда в середине застолья широкая русская душа просила музыки. Именно в

ее исполнении Костя услышал эти строки в первый раз и с тех пор очень любил, и ценил. Воспринимал он эти слова как девиз, как наказ, что родительница не успела дать сыну, сгинув в клинике для душевнобольных.

К своим сорока с небольшим он уже был учредителем банка, более того, хозяином здания из стекла и бетона в центре столицы, где располагался главный офис и не только, а также был владельцем яхт, домов и квартир в странах Европы на случай, если с этой страной опять что-то случится.

Морозным утром 31 декабря Константин пил кофе, расположившись на широком белом диване и рассматривая плакат, который он приобрел месяц назад почти за миллион долларов. Казалось бы, обычный плакат немого кино «Метрополис» 1927 года, но нет. Это был один из всего лишь пяти сохранившихся оригинальных постеров. Вернее, еще полгода назад считалось, что их четыре: один принадлежит Леонардо Ди Каприо, другой Музею современного искусства в Нью-Йорке, третий Музею национальной библиотеки Австрии, а четвертый же был продан коллекционером с аукциона, когда он не смог расплатиться со своими кредиторами, анониму, пожелавшему остаться неизвестным.

Константин, однажды погрузившись в мир старых плакатов, уже не мог без них. Он знал про постеры все, у него были каталоги и даже очень ценные экземпляры, но поймать настолько крупную рыбу ему не удавалось ни разу. Помог случай – и вот у него на стене тот самый плакат, о котором меч-

тают все коллекционеры мира. «Метрополис» и сам по себе был феноменом: он в свое время прогремел как самый дорогой фантастический фильм звукового кинематографа. На производство картины была потрачена огромная по тем временам сумма в пять миллионов марок. На съемках для создания спецэффектов применялись передовые технологии. Действие картины происходило в будущем, в ней рассказывалось о футуристическом мире, городе Метрополисе, который был разделен на две части – Рай и Ад. В верхнем мире под названием Рай обитали хозяева жизни, они дышали чистым воздухом и не знали, что такое работа. Ну а нижний, подземный Ад, стал пристанищем рабочих, низведенных до положения придатков гигантских машин. Естественно, в центре сюжета была слюнявая история любви мальчика из Рая и девочки из Ада. Очень шаблонно, так считал Константин, но сам фильм, если честно, его интересовал мало. Вот постеры – это да, это были сокровища, которыми приятно обладать наряду с великими актерами и музеями, а сюжет картины – дело десятое. Если бы Константина спросили, то он бы, не задумываясь, ответил: «Да, именно причастность к великим мира сего заставляет меня приобретать эти плакаты. Почему кино? Потому что это удел успешных. Это метка, говорящая “ты крут, брат, ты молодец”. Кино всегда было и будет признаком силы».

Константин давно понял, что успешность определяют не яхты и не счета в банке; ее определяют раритеты, эксклюзи-

вы, которые есть у тебя в собственности. Неважно, что это – старые плакаты или мировая чернокожая топ-модель, которую ты смог купить. Если твое приобретение по-настоящему эксклюзивно, то добро пожаловать в клуб хозяев жизни.

Как следует насладившись своим величием перед сложным делом, Константин спустился на этаж ниже и, будто в сказке про Али-Бабу, закрыл огромную сейфовую дверь голосом. На таком простом действии внутри вспыхнула безудержная радость, такая, какая бывает только у маленьких представителей человечества. Константин создал здесь собственный оазис настоящего счастья, от которого пела душа, и радовался этому обстоятельству безмерно, ведь он сам сотворил себе сказку, его личную сказку, вход в которую посторонним воспрещен, – и это возбуждало еще больше.

Телефонный звонок вывел его из приятных раздумий. Это был тот самый звонок, которого он ждал с самого утра. Именно сегодня, 31 декабря, Константин Конев станет еще богаче, впереди его ждет огромный успех и влияние на сильных мира сего. Когда приходят деньги, большие деньги, тогда человек начинает по-настоящему жаждать власти. Не власти ради еще больших денег, а настоящей, когда становишься вершителем судеб, и этот особый уровень удовольствия доступен далеко не каждому.

– Константин, доброе утро! – поприветствовали его по-итальянски. – У нас все готово?

– Не беспокойтесь, дон Лучано, – на хорошем итальян-

ском ответил Константин собеседнику. Последние пять лет он усердно занимался с репетитором и делал успехи в произношении. Этот эмоциональный язык нравился ему тем, что передавал не только информацию, но и настроение. – Я лично остаюсь сегодня в офисе и сделаю все сам. Не переживайте.

– Но ведь сегодня Новый год, – удивился собеседник, – и, насколько я знаю, в России этот праздник отмечается так же широко, как Рождество в Италии. Однажды я был в Москве тридцать первого декабря, и меня поразило, с каким неистовством русские отмечают переход календаря. Тогда мне это было непонятно и странно. Итальянцы так радостно празднуют рождение Спасителя, ведь это чудо на земле, и ликование естественно, чего не скажешь о простой смене чисел, – собеседник надменно хмыкнул в трубку. – Очень странно видеть в этом что-то особенное.

– Это всего лишь наследие нашего советского прошлого, когда коммунисты отменили религию, – непринужденно поддержал разговор Константин. – Тогда все праздники надо было подменить, чтобы народ не чувствовал себя обманутым. Потому-то Новый год и заменил по значению Рождество. Получился некий суррогат с елкой, подарками и волшебником из сказки – эдакая адская смесь, но советский народ принял ее и даже возвел в культ. Я же спокойно отношусь к этому празднику и потому, подняв бокал шампанского в офисе, загадаю желание об успехе нашего дела.

– Это плохая примета – рассказывать, какое желание вы хотите загадать, – философски прокомментировал его слова дон Лучано. – Оно может не сбыться.

– Я не верю в приметы, – нарочито засмеялся Константин. – Я верю только в себя.

– Это похвально, – протянул его собеседник, – но чересчур самоуверенно. Будем надеяться, что ваша уверенность в своих силах имеет под собой почву. У нас в Италии есть поговорка: «Жизнь, как новогодняя елка, – всегда найдется тот, кто разобьет шары».

Константин хотел было едко ответить, но вдруг понял, что его собеседник повесил трубку, не попрощавшись.

– Сволочь макаронная, – выругался он уже по-русски. – Я тоже знаю итальянские пословицы, и мне больше подходит другая: «Лучше прожить один день львом, чем сто лет овцой». Ну ничего, после сегодняшней ночи не я, а ты будешь пресмыкаться передо мной и просить об услуге!

Константин встал и посмотрел в окно на поздний зимний рассвет, который будил сонный город. Искусственная ель у входа в бизнес-центр переливалась разноцветными гирляндами, напоминая, что сегодня главный праздник года, а дворник усердно чистил дорожку от выпавшего за ночь снега, так, будто от этого зависело, придет сегодня в полночь Новый год или нет.

Люди готовились к чему-то необыкновенному, к чуду, к сказке, но их, как всегда, обманет мифический Дед Мороз,

а вот Константин действительно обретет в эту новогоднюю ночь многое. Он получит власть и могущество, и поможет ему в этом не старик из советских мультфильмов, а реальный человек – молодой, умный и бедный, который по наивности даже не заподозрит об этом. «Ты будешь просить, а я тебе откажу, – прокрутив в воображении приятную ему ситуацию, проговорил Константин, обращаясь к сумрачному окну, – потому что я все продумал, потому что на моей елке шары пластиковые, и их невозможно разбить». Он зло усмехнулся и щелкнул по носу свое исчезающее отражение.

В этот момент в кабинет постучались, тихо и неуверенно. Так, будто он нашкодивший кот, мог скрестись только Адам, забитый по жизни человек, несмотря на его светлый ум. Именно поэтому Константин и терпел его рядом так долго. Адам не умел пользоваться мозгами себе на пользу, а Константин с успехом проделывал это вот уже лет десять, используя себе во благо мозги помощника.

– Заходи, – крикнул он, и дверь тут же открылась. Адам зашел в кабинет, словно школьник, который боится, что его будут ругать за опоздание. Но Константин знал, что помощник не сделал ничего плохого. Этот уже взрослый мужчина – просто испуганный сын деспотичной мамы, который даже к тридцати пяти не научился бояться взрослых и сильных, по его мнению, людей.

– Здравствуйте, Константин, – произнес он, не проходя внутрь кабинета, словно и для этого ему нужно было отдель-

ное разрешение. – У нас все готово. Останется лишь на вашем компьютере, когда ровно в двенадцать программа перезапустится, прописать счета из этого конверта. Я их только что получил от посыльного.

Адам вытащил из папки листок бумаги и протянул шефу.

– Положи на стол, – скучающим тоном велел Константин, отметив лениво, что макаронник не доверяет Интернету и прислал своего человека, чтобы передать нужные цифры лично в руки.

– Я могу быть на сегодня свободен? – спросил Адам осторожно и, казалось, сам испугался этого вопроса.

– Ты это серьезно? – Константин обернулся и грозно взглянул на помощника. Ему доставляло удовольствие видеть, как взрослый мужик достаточно крупной комплекции моментально терялся от малейшего повышения голоса и начинал поправлять свои крупные кудри. – У нас сегодня такое серьезное дело, – еще жестче продолжил Константин, – у нас, можно сказать, все поставлено на кон. Если выгорит – мы с тобой будем королями, к нам выстроится очередь желающих воспользоваться нашими услугами, а мы будем выбирать, кому помочь, а кого послать на три буквы. А если все провалится, то самое малое, что может произойти, это то, что макаронник, забрав свои деньги, потребует с нас еще и проценты компенсации. А с той суммы, что он сейчас нам доверил, будут очень и очень большие проценты. Я, конечно, выкручусь, но это подорвет мое финансовое состояние, не

говоря уже об имидже. Главное, что меня никто после этого не будет воспринимать всерьез. Это равносильно бизнес-самоубийству: ведь никто из деловой среды больше не захочет иметь со мной дел!

Константин разошелся и последние слова уже прокричал, разделяя на слоги, словно пытался напугать помощника еще сильнее. Он, конечно, лукавил: успех сегодняшней операции будет только его победой, королем станет один – Константин, а умный еврейский мальчик Адам окажется совершенно ни при чем.

– Все будет хорошо, – так же, по слогам, но только тихо и испуганно, ответил шефу Адам. – Мы с вами ровно год назад проверяли систему, и все прошло идеально.

– Да, – снова перейдя на спокойный тон ответил Константин, – но тогда сумма была на десять порядков меньше сегодняшней и мы задействовали мои деньги, а не деньги итальянской мафии.

– А я говорил, не надо было связываться с этим доном Лучано, – быстро высказался Адам, словно это было для него большой темой. – Таким людям нельзя доверять.

– Никто другой не полез бы в авантюру, подобную нашей. Знаешь, почему?

Адам промолчал, полагая, что это риторический вопрос, и Константин продолжил:

– Не потому, что никто не поверит в нашу систему, а потому, что она еще никем не опробована, и все боятся поте-

рять деньги, – со злостью закончил он.

Как будто помня, что сегодня Новый год, метель за окном продолжала кружить и натужно завывать, тихо и страшно, словно пророча беду.

– А знаешь, почему не боится этого итальянец? – вновь обратился к подчиненному Константин. – Да потому что он вернет свои средства в любом случае, чего бы ему это ни стоило. И закон для этого дону Лучано не нужен: он, напротив, только мешает человеку, для которого не существует ни законов, ни границ.

Адам достал из кармана платок и вытер вспотевший лоб. Крупные кудри в его прическе прилипли ко лбу, словно мужчина только что вышел из парной.

– Но есть и хорошие новости, – вновь, как в начале разговора, Константин улыбнулся, как будто и не было монолога на повышенных тонах. – Если у нас все получится, то именно этот итальяшка сделает нам такую железобетонную рекламу в нужной среде, о какой можно только мечтать.

Адам хотел еще что-то сказать шефу, но в приемной слышались громкие голоса, постепенно переходящие в крик. Переглянувшись, они, не сговариваясь, направились туда.

У Константина вдруг сильно засосало под ложечкой, так сильно, что это было похоже на дурное предчувствие. Хорошо, что он не верит ни в какие приметы.

Глава 5

Вода и огонь – хорошие слуги, но страшные господа

«Поесть, видимо, не получится», – с тоской подумал Степан, когда начались крики, а его желудок призывно загудел.

А ведь еще десять минут назад, там, в лифте, ему казалось, что завтрак все же состоится.

Лифт гудел, как-то очень натужно проплывая этажи, будто старая баржа. Степан стеснялся своей желтой куртки доставщика и потому носил кепку с большим козырьком, чтобы не было видно лица. Хотя этот головной убор в конце декабря был не лучшим выбором, но кепка была обязательной частью его рабочей одежды.

«Когда-нибудь я обязательно разбогатею, буду ездить на крутой тачке, но это будет потом. Мне всего двадцать два, все еще впереди, а сейчас надо немного подзаработать, чтобы закончить универ, – эти успокоительные мысли крутились в голове Степана, пока лифт медленно поднимал его на двенадцатый этаж. – У матери деньги брать зашквар, нет их у нее, да никогда и не было. Еще и младшего балбеса поднимать как-то надо, а он только в восьмой перешел. И так был с шилом в заднице, а теперь вообще подросток, жесть. Матери трудно с ним, совсем он ее не слушается. Вот только

я немного и сдерживаю эту его придурь».

Мать вздохнула полегче лишь год назад, когда не стало деда. Он изводил всю семью даже похлеще брата, перестав вызывать жалость своим параличом, остались только брезгливость и раздражение. Инсульт, повлиявший на мозг, сделал из человека монстра, ненавидящего всех и вся.

Отец, уйдя из семьи почти девять лет назад, сразу же заболел частичной амнезией, забыв про свою прошлую жизнь. Алименты он платил исправно, но только со своей официальной зарплаты, которую его же бухгалтер прописал по минимуму. Фирму, производящую огромные тиражи красивых пластиковых пакетов, отец прозорливо оформил на того же бухгалтера, причем задолго до развода с мамой. Родительница узнала об этом только тогда, когда за супругом закрывалась дверь, а уже на суде на ее робкое «это наше общее дело» матери предъявили подписанное ее собственной рукой разрешение на продажу предприятия. Когда женщина успела завизировать этот документ, она, естественно, не помнила, потому как безоговорочно доверяла отцу.

Позже она много раз будет говорить Степке тихо, чтоб не разбудить деда и не накликать большей беды:

– Ты, сыночка, всегда помни, что вторая половинка – это, по сути, чужой человек, и он может предать тебя в любую минуту. Даже если поначалу будет казаться, что вы единое целое, не забывай об этом. Когда это понимание приходит неожиданно, это такая боль, что ее не пережить.

В общем, к уходу папаша подготовился основательно, и Степан даже не знал, каких чувств испытывает к нему больше – ненависти или восхищения. Иногда, видя, как трудно матери, он скрипел зубами в приступе злости. Молодому человеку казалось, что, если бы в тот момент отец попался ему под руку, Степан бы убил его, не задумываясь. Но случилось и другое. Когда он заходил на страницу отца в социальной сети, то, бывало, не контролируя свою святую ненависть, восторгался им. Человек жил для себя, без лишних обязательств. Недавно вторая жена тоже ушла в утиль, освободив место более молодой; ее отец, как водится, тоже оставил с носом, ведь под рукой наверняка по-прежнему был верный бухгалтер. Отец со временем становился все более лощеным и успешным, получая от жизни все и забывая при этом поздравить собственных детей с днем рождения, не говоря уже о подарках.

Мама же от постоянной работы и от того, что часто не было денег, наоборот, очень быстро старела, и уже трудно было представить их вместе. Так ненависть или восхищение? Нет, скорее, ни то, ни другое. Степан хотел походить на него, хотел стать успешным и богатым, но при условии, что отец об этом узнает. Узнает и примет его как равного.

Как тогда, в том единственном воспоминании, которое Степан бережно хранил в памяти. Степе семь, папа редко бывает дома, но мальчику кажется, что это из-за деда. Маминого отца парализовало, и он стал жить с ними. Вместе с

дедом в дом переехала постоянная вонь и старческие вопли с матами и проклятиями в адрес всех членов семьи по порядку. Маленький Степка еще не привык к этому, потому сидел в прихожей и плакал, когда отец вернулся домой с работы. Что на него тогда нашло, было непонятно, но он взял Степана с собой, и они пошли в бар на соседней улице. Там отец взял себе пива с кальмарами и стал рассказывать сыну о своем детстве, которое, к слову, тоже было безрадостным. Степка потихоньку таскал с его тарелки неровные колечки копченого кальмара и слушал отца с открытым ртом, боясь испортить ту, по его мнению, идилию. В тот момент отец разговаривал с ним, как с равным, – это было в первый и последний раз. Степан никогда больше не ел такого вкусного кальмара, как тогда, в третьесортном баре на соседней улице.

От воспоминаний противно потянуло в желудке, хотя, возможно, это оттого, что он не успел позавтракать перед сменой. Надо будет перекусить, когда он доставит этот важный и хорошо оплачиваемый заказ. За углом стеклянного карандаша, как он окрестил это странное офисное здание, есть фастфуд, где можно будет взять дешевый бургер и сладкий кофе. Все это, конечно, вредно и все такое, но зато от майонеза и жирной котлеты голод уйдет надолго, и до вечера можно будет про еду не вспоминать. Слюни тут же наполнили рот, и захотелось быстрее побежать в уютную кругло-суточную кафешку, пропитанную запахом картошки фри и жареного мяса.

Все пассажиры лифта как-то чересчур дружно вышли на двенадцатом этаже, и Степана это почему-то очень напрягло. Он и в лифте чувствовал себя неловко рядом с этими хмурыми и хорошо одетыми людьми, стыдясь своей ярко-желтой куртки; ему казалось, что она кричит: «Смотрите на меня, я доставщик!» Пока лифт ехал, Степан усиленно считал этажи, словно помогая механизму быстрее подняться и выпустить его из тяжелого пространства. Получается, теперь ему придется еще и в приемной протискиваться среди разодетых персонажей, пытаясь найти того, кому предназначается доставка. В заказе указано, что пакеты необходимо вручить лично в руки Константину Коневу, и за это курьеру причитается достаточно щедрый бонус. А так как на него обратят внимание в последнюю очередь, придется уступить дорогу всем этим хмурым людям.

Пропустив всех пассажиров лифта вперед, Степан последним зашел в приемную генерального директора, куда было сказано доставить заказ. Вместе с ним у двери остановилась седая женщина, которая казалась даже более неуверенной, чем он, хотя куда уж больше. Степан решил подождать у дверей, пока толпа рассосется, но этого так и не случилось. Потому как следом за ними на этаж зашел пожилой мужик, лохматый, с копной седых волос, словно он не знал, что в мире существуют расческа и парикмахер, и поставил своим громким вопросом всех в тупик:

– Где тут у вас щиток электрический? Меня вызвали сроч-

но, сказали, шалит он у вас, а охранники тупые ничего объяснить не могут. Один тут вызвался мне показывать и куда-то запропастился, – видимо, мужчина был электриком, говорил он громко и тяжело дышал, словно пробежал стометровку. – Я Иваныч, – зачем-то представился он, немного отдышавшись.

Люди стали оглядываться, словно по лицам пытаюсь определить, кто же здесь может знать о местонахождении электрощита, и все взгляды одновременно остановились на девушке лет двадцати семи, которая успела дошагать на своих огромных каблуках до стола секретаря. Она повернулась к своему спутнику, чтобы забрать у него огромную сумку, но, заметив внимание к своей персоне, неуверенно сказала:

– Я здесь на испытательном сроке, – выдала она фразу, которая, по ее мнению, должна была все объяснить.

– Едрит-мадрид! – выругался мужик в рабочем комбинезоне, представившийся Иванычем. – Где же этого недоделанного носит? Охранник, мать его, сказал: «Пойдем, покажу», – и побежал! А как Иваныч побежит за ним по лестнице? Ему двадцать на вид, а мне почти пятьдесят внутри. Плюс ко всему вчера уже приближение праздника отмечал, год этот паршивый провожал, будь он неладен. Налицо дискри-ми-на-ци-я! – еле выговорил длинное слово электрик. – Вот почему в вашем здании рабочим нельзя на лифте подниматься? – возмущенно обратился он к присутствующим, но никто не ответил.

Степан стоял рядом с электриком и чувствовал мощный запах спиртного, исходящий от этого нелепого мужчины.

– Пожар! – в приемную вбежал щуплый охранник и начал сбивчиво кричать в свою рацию: – Возгорание в щитке на площадке между одиннадцатым и двенадцатым этажами, горит проводка, черный дым распространяется вверх.

– Показывай, что там со щитком! – скомандовал электрик Иваныч, и они с охранником выскочили из приемной.

В этот момент погас свет, так неожиданно и страшно, что все вздрогнули. Люди стояли и смотрели друг на друга, не зная, как себя вести.

– Наверное, нужно эвакуироваться, – вдруг сказала рыжая девушка на высоких каблуках, почувствовав, что люди ждут от нее какого-то решения. Она вся мелко дрожала, а в глазах у нее застыла паника. Остальным была не вполне понятна столь резкая реакция секретарши, словно она знала что-то, чего им пока не сообщили.

– Помогите! – не выдержав, закричала она и стала бегать по холлу, будто забыла, где выход.

Люди стояли в нерешительности, словно думая, что бежать первым – это трусость. Пока все принимали решение, уходить или остаться, вернулся электрик.

– Все, нет дороги, – сипло кашляя, заявил Иваныч. – Там все в дыму, лифт, естественно, не работает, а лестница нам уже недоступна.

– Что случилось? – требовательно спросил мужчина, вы-

шедший из кабинета. Он был красиво одет, а над его заливной лаком укладкой наверняка с утра потрудились парикмахеры. – И вообще, что вы все здесь делаете? – удивился он, но ответа не последовало. – Секретарь! – грозно крикнул мужчина на истерично рыдавшую девушку, которая пару минут назад робко предлагала всем эвакуироваться. – Я сказал без моего особого распоряжения ее не пускать, – с этими словами он ткнул пальцем в роскошную шатенку, что нервно поглаживала свою красивую шубу, испуганно выпучив глаза. – Ты уволена!

Но огненно-рыжей секретарше было наплевать – паника поглотила ее.

– Где охранник? – перебив мужчину в костюме, спросил у электрика Степан, за что грубиян взглянул на него с возмущением. Он явно был недоволен тем, что его кто-то посмел перебить, тем более какой-то там доставщик. Но наблюдая черный дым, струящийся из-под двери, Степа испугался за тощего парня с ракетой, что ушел туда вместе с Иванычем и до сих пор не вернулся. Скинув со спины огромный термोरюкзак, Степан выскочил в коридор и тотчас закашлялся: дым был черным и густым, будто горела резина. В детстве он с пацанами иногда по приколу жег покрышки от автомобилей, и дым тогда был именно таким. На полу он разглядел силуэт охранника. Схватив щуплого паренька за плечи, он рывком подтянул его к себе и, собрав все силы, затащил того в приемную.

– Что там? – спросил тот, кто только что увольнял перепуганную секретаршу.

– Что с парнем? – забеспокоились посетители приемной.

– Я врач, – из толпы вынырнул мужчина небольшого роста, обладатель выразительного черного чуба, что поднимался волной надо лбом, словно предки его хозяина были кубанскими казаками и он этим очень гордился. Несмотря на лихую внешность, все действия человека были сдержанны и скупы. Было видно, он знал, что делает, и не растрачивал энергию по мелочам. – Мерत्व, – сказал он хрипло, осмотрев охранника.

– Вы уверены? – спросил Степан. – Он же там пробыл всего ничего.

– Человеку хватит от трех до пяти минут, чтоб задохнуться угарным газом, – ответил обладатель казацкого чуба.

Словно голос с того света, на груди охранника заговорила рация, и все как по команде вздрогнули.

– Пожар полностью охватил лестницу до пятнадцатого этажа. Пожарных уже вызвали, но из-за аварии на шоссе пробка, – в рации все шипело, и слышно было плохо.

– Выехали ребята с соседней пожарной части, – это был уже другой голос.

Врач осторожно снял с умершего охранника рацию и, нажав на кнопку сбоку, сказал:

– Мы на двенадцатом этаже в приемной директора, нас здесь много, есть дети. Спасите нас!

В рации повисло молчание, и после долгой паузы какой-то уж очень грустный голос ответил ему:

– Мы постараемся. Держитесь, помощь придет минут через двадцать.

Возможно, ему только показалось, но Степан услышал, как человек по ту сторону рации очень тяжело вздохнул, и сразу стало страшно.

Вырвав у доктора рацию, еще пять минут назад надменный, тип с зализанной прической снова начал кричать будто псих, словно хотел, чтоб его слышали на первом этаже даже без помощи техники, с него уже сошла вся спесь, и остался только страх:

– Немедленно! Я вам приказываю: немедленно выведите меня! Я хозяин здания, Константин Конев! Если вы сейчас же этого не сделаете, то завтра у вас не будет работы! – орал он так, что охранник внизу наверняка оглох. – Там возле вас сидит моя охрана, пусть они сейчас же поднимаются и все решат.

– Сожалею, – после очередной длительной паузы печально ответила рация и, снова горько вздохнув, добавила: – Охрана покинула горящее здание первой.

Вот сейчас стало по-настоящему жутко. Люди принялись в панике бегать по холлу у приемной, заглядывая в большие панорамные окна, словно ища там спасения. Красивая шатенка, в которую еще недавно тыкал пальцем хозяин кабинета, да и как выяснилось, и всего здания, интересуясь, кто

ее сюда пустил, тоже впала в истерику и истошно вопила, требуя немедленно ее спасти, отчего, по мнению Степана, из принцессы мигом превратилась в базарную бабу.

– Тринадцатый этаж, – вдруг громко сказал невысокий полный мужчина со смешной прической из крупных кудряшек и словно сам испугался собственного голоса.

– Но ведь тринадцатого этажа в этом здании нет! – возразила девочка лет двенадцати, которая тихо терла покрасневшие глаза, прижавшись к доктору.

– И лестница в огне, – пожал плечами тот.

– Точно! – не обращая ни на кого внимания, воскликнул Константин Конев и рванул обратно в свой кабинет. – Это надо же, как действует паника! Там и отдельная вентиляция, и даже огнеупорные стены. Тринадцатому этажу не страшен никакой пожар.

– Это огнеупорный сейф с автономными средствами обеспечения жизнедеятельности! – дополнил кучерявый.

Мужик в дорогом костюме вновь превратился в надменного буржуя и даже попытался закрыть перед остальными дверь в свой кабинет.

– Вы не можете нас здесь оставить! – возмутилась седая женщина, которая до этого стояла молча и смотрела на окружающих, словно выбирала, к кому бы примкнуть – к плачущим или орущим. – Если у вас есть идея, как можно спастись, вы должны взять нас с собой.

– Я никому ничего не должен, – ответил ей господин Ко-

нев, которому, как сообразил Степан, и предназначалась доставка. Конев впервые улыбнулся, видимо, потому, что его-то беда уж точно миновала. – Вам туда нельзя, это частная территория. Адам, закрывай дверь!

Но кудрявый мужчина, который как раз и вспомнил про тринадцатый этаж, застыл в нерешительности.

– Или мы спасаемся вместе, – сказал доктор твердо, – или вы погибаете с нами за компанию.

– Интересно, кто же помешает мне уйти? – хозяин кабинета откровенно издевался. – Вы или вон та почтенная дама?

– Я, – сказал молчавший до этого мужчина, который пришел с секретаршей. – Чемпион России по самбо вас устроит?

Константин Конев перестал закрывать дверь и молча оглядел предполагаемого чемпиона в пальто и с футляром за спиной, словно прикидывая, сможет он это сделать или нет и, видимо, поверив тому на слово, отпустил ручку двери.

– Значит так, – раздраженно начал давать указания хозяин кабинета, – на этаже все садятся на черный диван и ничего не трогают. Там даже салфетки стоят дороже всех ваших вещей.

Он открыл дверь шкафа-купе, и внутри оказалась еще одна. Она была похожа на сейфовую. Степан видел такие двери в кино, когда преступники пытались ограбить какой-нибудь банк. Что-то нажав на дисплее рядом с дверью, так, чтоб люди, стоявшие за ним, не увидели комбинацию, господин Конев первым стал подниматься по широкой белой лестнице, словно ведущей в светлое будущее.

– Мы что, оставим его здесь? – вдруг спросила рыженькая секретарша, показывая на охранника, лежащего у двери. После того, как появилась возможность спастись от пожара, она успокоилась и лишь тихо всхлипывала, стараясь отдышаться от истерики.

– Он мертв, – сказал доктор без капли сомнения в голосе. – Ему уже не помочь, и неизвестно, сколько нам придется там просидеть. Если долго, то лучше не стоит рисковать, ведь там не холодильная камера. Пойдемте, надо спешить – черный дым от проводки уже просачивается в приемную, а он убивает практически мгновенно, вы даже не успеете ничего понять. Поторопитесь.

После таких слов все засуетились и стали подниматься по крутой лестнице. Степа шел последним, так и не расставшись со своим огромным рюкзаком службы доставки, стараясь никого не задеть. Он наблюдал, как неуклюжий электрик все же оттащил мертвого охранника к панорамному окну приемной и, плотно закрыв дверь в коридор, с усилием затолкал под нее свою рабочую куртку. После, запыхавшись, словно бежал кросс, он смешной трусцой направился в сторону входа на спасительный этаж, боясь, что про него забудут.

– Проходи, дружище. – Иваныч дыхнул на него сильнейшим перегаром. – Как тебя зовут?

– Степа, – представился он, и от волнения его голос прозвучал как-то по-детски.

– Ну, привет, Степашка, – вновь улыбнулся электрик и, чтобы рассмотреть парня, надел очки, которые до этого болтались у него на груди.

Степану сразу вспомнилась его классная руководительница – у той была такая же привычка носить свои окуляры, правда, вместо грязного шнурка у нее была красивая цепочка.

– Меня можешь звать Иванычем. Ну-ка, помоги мне приоткрыть эту дверь! Может, она и вправду нас спасет.

Степа снял рюкзак, примостив на ступени, но окрик сверху остановил их:

– Я велел вам ничего не трогать! Поднимайтесь сейчас же, здесь все делается автоматически. Никакой инициативы, запомните раз и навсегда, иначе я вас отправлю обратно в приемную к дебилу-охраннику! – И тут же скомандовал коренастому мужчине: – Адам, пересчитай их, чтоб никто тут у меня нечаянно не затерялся.

Степан вместе с Иванычем послушались приказа и стали аккуратно подниматься по лестнице. Дверь за их спиной, будто неповоротливый монстр, медленно и плавно захлопнулась, оставив людей в безопасном пространстве. Но молодому человеку почему-то показалось, что захлопнулась ловушка, и от этого стало некомфортно. Он даже расслышал шуршание множества замков в толще этого чудовища, словно оно было голодным и теперь присматривалось к людям, что забрались в его логово.

Поднявшись на один пролет, Степан понял, что дверь сделала это не сама, она управлялась с большого пульта, похожего на декорацию из фантастического фильма. Над ним сейчас колдовал Константин, отдавая при этом команды голосом, что только увеличивало сходство с приборной доской какого-нибудь межгалактического корабля. Степан залюбовался – ему всегда нравились новинки техники. Их огни словно бы давали надежду, что человечество может все.

Степа по-прежнему плелся последним, волоча за собой огромный ярко-желтый рюкзак, пропустив вперед даже Иваныча с его убийственным перегаром. Когда все поднялись уже по второй лестнице, электрик, шедший перед ним, вдруг остановился в проеме без дверей и громко воскликнул:

– Костик, а где же туалет?!

Степану вновь стало стыдно, но уже не за себя и свою громоздкую поклажу, а за Иваныча. После того, как тот уважительно отнесся к погибшему охраннику, молодой человек как бы взял его в команду, ведь все не так страшно, когда ты не один. Иваныч же показался ему простым и добрым, таким, как его семья, таким, как он, в конце концов. И вот теперь новоиспеченный товарищ позорит его перед остальными.

Но когда Степа поднялся и огляделся, то понял Иваныча: тринадцатый этаж представлял собой обширное пространство – квадратов триста – без перегородок и окон. Помещение, где не было ни единой двери, а значит, и места для сан-

узла.

Молодому человеку тут же захотелось в туалет. Нет, до этого он не хотел и, возможно, еще долго бы об этом не вспомнил, но когда тебе говорят, что туалета нет и в ближайшее время не предвидится, то подсознательно сразу же начинаешь искать возможности.

– Едрит-мадрид! – от души выругался электрик, стоящий рядом. Достав старую фляжку, он смачно глотнул ее содержимое. Степа был уверен, что внутри точно не вода. Ему тут же захотелось присоединиться к мужику и во вздохах, и в выпивке, но врожденная брезгливость не позволила попросить поделиться спиртным, и оттого он лишь тяжело вздохнул. Возможно, даже тяжелее своего новоиспеченного друга.

Глава 6

Живи тихо – не увидишь лиха

Адам сидел и безотрывно смотрел в одну точку, пока остальные гости тринадцатого этажа разбрелись по нему, изучая свое неожиданное убежище. Точку он выбрал на лбу человечка, изображенного на плакате, которым так гордился в последнее время шеф. Это был даже не человек, скорее, какой-то инопланетянин. Посмотрев этот фильм, он ничего толком в нем не увидел, поэтому не понял, почему этот тусклый двуцветный постер такой дорогой, да и, если честно, не хотел знать. Он не признавал Малевича и других авангардистов – Адам был воспитан в Третьяковке и умел ценить красоту.

Его мама работала смотрителем в музее. При словах «смотритель музея» люди обычно представляют себе человека, сидящего весь день на стуле в углу и иногда засыпающего от скуки. Но Адам знал, что это не так. Иногда его маме даже не удавалось ни разу за день присесть, не говоря уже о возможности пообщаться с сыном, забежавшим к ней на работу после школы. Если случалось именно так, то Адам сам пускался гулять по знакомым с детства залам. Обязательно подходил здороваться к Пушкину, жалел княжну Тараканову, стараясь мысленно сбросить с ее кровати крысу, и меч-

тал хоть раз сходить на охоту, чтобы послушать байки усатого старика, которые он так эмоционально рассказывает своим друзьям на привале. Но особой любовью Адама был Айвазовский и его море. Маленький мальчик грезил им, потому как настоящее море он не видел еще ни разу. Накопить на путешествие к нему у мамы Адама никак не получалось. Хотя она и была еврейской женщиной, но, видимо, этот ген бережливости был у нее атрофирован, и экономить она не умела. Они с Адамом тратили всю зарплату за первые три дня, посещая дорогие рестораны и магазины, а после весь месяц сидели на макаронах и гречке. Именно поэтому ни один из этих продуктов Адам не мог терпеть ни в каком виде – они напоминали ему о нищете и одиночестве. Именно в тот период, именуемый мамой «макаронно-гречневые времена», особо остро чувствовалось то, что им некому помочь на этом свете.

Вдруг в его поле зрения показалась девчонка, она подошла к плакату, на который уставился Адам, и стала трогать его толстую раму. Чем этот плакат мог заинтересовать ребенка, ему было непонятно – то было некрасивое и скучное полотно: на фоне схематичных небоскребов нарисован то ли человек, то ли робот, а вверху название Metropolis. Хотя, возможно, ее привлекла именно массивная рама с толстым противоударным стеклом.

Адам помогал шефу в покупке этого постера и еле сдерживался, чтобы не поморщиться от сочетания рамы и плака-

та. Как сказала бы его мама: «Отсутствие вкуса – тоже вкус... Но извращенный». Так вот у Константина Конева был самый что ни на есть извращенный вкус. Когда продавец сказал, что рама с противоударным стеклом, в которой всегда поддерживается нужная температура, чтобы постер был всегда в сохранности, идет в подарок, то Адам фыркнул. Он готов был сказать что-то язвительное, в духе: «Спасибо, нам такой красоты не надобно», – но шеф уже жал руку и благодарил продавца за щедрость.

Намучились они тогда с этой безвкусицей! Ее надо было подключить к электричеству, да не просто воткнуть в розетку, а напрямую запитать провода с задней стороны рамы. Сама по себе рама или, если говорить точнее, вульгарный футляр к плакату был очень большим и тяжелым и без проводов, которые необходимо было вывести отдельно. К тому же возникла большая проблема в креплении всего сооружения к стене. А зная стоимость этого постера, Адам приказал рабочим намертво прикрепить его по периметру рамы.

– Отойди от плаката, девочка! – закричал Константин, и Адам уже знал, что следующим он услышит свое имя.

Этот «Метрополис», который, к слову, его шеф так и не посмотрел, начинался и заканчивался выражением, которое запомнилось Адаму: «Посредником между головой и руками должно быть сердце». Именно сердца не хватало его начальству – предпринимателю Константину Коневу, на которого он проработал уже десять лет, с остальным же у него все

в порядке. Хотя была пара случаев, когда Адам видел шефа в невменяемом состоянии, и вот тогда остатки недобитого еще человеческого все же вырывались из пьяного рта.

– Адам, ты чего расслабился, сдурел совсем?! Рассади тут всех, покажи, куда им можно, а куда нельзя, и позвони, наконец, охране, чтоб они поторапливались! – предсказуемо командовало начальство. Адам мог предугадывать поведение Константина в точности до слова.

Хоть этаж и был квадратов триста, но сидеть здесь особо было негде. С одной стороны комнаты, которая, по сути, и была всем этажом, стоял большой круглый стол с десятью стульями, который предназначался для торжественных встреч, но ни разу не использовался по назначению. В другом конце этажа находился обширный квадратный журнальный стол с одинокой вазой посередине, вокруг которого были расставлены монументальные кожаные диваны белого и черного цвета.

– Господа, – сказал Адам, – присаживайтесь на черные диваны, пожалуйста.

– А что, белые мы запачкаем? – засмеялся электрик, явно поддавший на старые дрожжи.

– Можно мы снимем верхнюю одежду? – спросил мужчина, представившийся врачом. – Дочка в пуховике уже спарилась.

– Конечно, – Адам улыбнулся молодому человеку, тот ему почему-то понравился. Была в этом человеке какая-то вызы-

вающая симпатию прямота, что ли. – Только попросите дочку не трогать ничего, шеф этого не любит. На этот этаж даже мне разрешалось входить только трижды, и то по делу, а тут столько незнакомых людей сразу... Боюсь, будет скандал.

Доктор кивнул, согласившись, и пошел к дочке, которая, не обращая внимания на вопли начальства, продолжала рассматривать помпезную раму. Адам отметил, что шеф отошел от всех так называемых гостей и уже плеснул себе виски в мини-баре, пытаясь успокоиться. Ну, может, это и к лучшему, сейчас пожарные их вызволят, и все наладится. Не о чем так беспокоиться, до часа икс еще масса времени.

– Адам! – К нему, вытирая размазанную по щекам тушь, подошла Инна. – Я ничего не понимаю! Вчера вечером мне пришло от него сообщение в мессенджере, мол, приходи завтра к девяти в офис, а сейчас он прилюдно кричит, что не звал меня и пускать не велел.

– У него сегодня трудный день, я уверен, все прояснится. Сейчас главное, чтоб потушили пожар и мы как можно быстрее отсюда выбрались. Остальное я обещаю урегулировать, – попытался успокоить ее Адам.

Он был влюблен в эту девушку безответно, но даже когда шеф попользовался ею и бросил, Адам не стал и пытаться завоевать сердце красавицы, заведомо зная о неудаче. Он иногда посылал ей цветы и открытки с пожеланиями хорошего дня, а она воспринимала это как дружескую поддержку и так же по-дружески благодарила. Но Адаму хватало и это-

го, чтобы в его жизни был хоть какой-то смысл.

Этот этаж строился именно на непредвиденный случай – находясь на нем, можно было пережить пожар, потоп и вооруженное ограбление. Здесь было стационарное электричество, свой вывод под Интернет, отдельная связь и вентиляция. Адам был удивлен, что шеф не вспомнил про него сразу, ведь это было его любимое детище. Возможно, он подзабыл о его назначении, потому что понемногу превращал свой оплот безопасности в галерею дорогих покупок. Коллекцией это назвать было трудно – постеры не были связаны между собой ни тематикой, ни страной-производителем, ни временем, ни авторами кино. Это были два десятка афиш, дорогих и не очень, которые объединяло лишь одно – они все рекламировали фильмы.

– Слышь, мужик, – к Адаму подошел электрик, – а что, здесь действительно нет сортира? Можно тогда мне какую-нибудь емкость? Я, едрит-мадрид, на лестнице все сделаю, а потом выкину, как нас освободят.

– Не говорите глупостей, – сморщился Адам и поправил свою шикарную шевелюру. Он всегда так делал, когда злился или нервничал. У него была прическа настоящего еврейского мужчины – огромная шапка черных выющихся волос. Словно дотошный парикмахер испробовал на нем свою самую крупную плойку, не спросив разрешения хозяина. Адаму не нравилась его прическа, и он даже хотел подстричься под ноль, но мама просила оставить копну, и он соглашался.

Сейчас же он носил кудри в память о ней. – Пойдемте, я покажу вам туалет, – сказал он электрику, скрывая раздражение. – Вот.

Он нажал на панель в стене, невидимая дверь открылась, и появилась просторная ванная комната. В ней были и душ, и джакузи, не говоря уже об унитазе и раковине со всевозможными аксессуарами.

– Спасибо, мужик! Кстати, я Иваныч.

Электрик протянул руку, и Адаму стало стыдно за свое высокомерие.

– Адам, – представился он и, борясь с брезгливостью, пожал потную ладонь пожилого мужчины.

– Слышь, первый человек на земле, скажи мне, почему у вас все по шкафам находится – и лестница, и туалет? Это, наверное, что-то психологическое, из детства, ну, типа прятаться от отца там, чтоб люлей не получить, – выдал Иваныч и громко захохотал, чем привлек всеобщее внимание. У остальных было другое настроение, им хотелось плакать, кричать или, как сейчас делала Инна, некрасиво грызть ногти, но точно не смеяться. Поэтому хохот не только выпадал из общего настроения, но и раздражал присутствующих.

– У меня не было отца, – спокойно ответил Адам. – Проект утверждал Константин Валерьевич, так что все вопросы к нему.

– Ну, у Костяна-то явные проблемы с головой, тут без вопросов, – сказал Иваныч, доверительно наклоняясь к уху

Адама, словно сообщая ему большую тайну. – Тут точно и батя был, и поколачивал он юнца от души.

– А вы электрик или психолог? – сам не понимая, зачем вступил в дискуссию, спросил Адам.

– Вот обидеть человека может каждый, – совершенно по-детски надулся Иваныч. – Я просто родственную душу чувствую, едрит-мадрид! Ребенок, которого били родители, он другой, особенный, у него душа рваная. Потому как в детстве мамка или папка для ребенка – это весь мир, и вот когда этот мир лупит его нещадно, то душа рвется, и ее уже никак не зашьешь. Рубцы остаются, да такие, какие не спрячешь, с ними приходится жить. Ну да заговорился я с тобой. Осознал, ты, маменькин сыночек? Тебе нас с Костяном не понять, – заключил Иваныч и хлебнул из старенькой фляжки, видимо, что-то очень крепкое, занюхал рукавом и скрылся в белоснежной ванной комнате. Адаму даже показалось, что такое высококлассное помещение от нетипичного посетителя скукожилась, сделавшись меньше на треть.

«А ведь этот мужик, как ни странно, прав, – подумалось Адаму. Он и правда был маменькиным сынком, а шефа неоднократно избивала мать, у которой к тридцати годам окончательно съехала крыша и она оказалась в психушке. – Станный тип».

подавив в себе раздражение от нахальства электрика, Адам достал телефон, чтобы позвонить охране и узнать о положении дел, как вновь услышал свое имя:

– Адам! – истерично заорал Константин. Кричать шеф любил и практиковал это, но всегда делал так больше от возмущения, сейчас же в его голосе звучал ужас. Такого страха не было даже полчаса назад, когда он думал, что спасения от пожара нет.

Адаму даже не пришло в голову, что могло бы вызвать у начальства такое отчаянье в голосе. Но, повернувшись на крик, Адам Александрович Жаги понял и разделил ужас и возмущение шефа.

Особая гордость, бесценный плакат «Метрополис», который Константин приобрел совсем недавно для своей коллекции, стал медленно съезжать внутри рамы, появляясь внизу, но уже не целым, а словно порезанным мелким шредером – устройством для уничтожения важных бумаг. У Адама в кабинете стоял такой, и он иногда даже медитировал возле него. Когда нападало философское настроение, Адам, отправляя бумагу в аппарат, наблюдал, как из целого документа получается множество мелких длинных полосок, которые уже невозможно собрать воедино. Это заставляло его задуматься о тщетности бытия, о том, как в одно мгновение из целой жизни может получиться просто гора ошметков, которые будет невозможно склеить.

Никогда, как бы ты ни старался.

Глава 7

Всем сестрам по серьгам, всем старцам по ставцам

– Это как у Бэнкси! – закричала девочка, восхищенно глядя на тонкие полоски, свисающие под рамой. Постер съехал вниз не весь, маленькая его часть, сантиметров десять, осталась целой и находилась внутри.

– Кто это сделал?.. – в шоке продолжал спрашивать Константин, осматривая рамку и не понимая, что произошло. – Кто это сделал?! – уже кричал он, повторяя свой вопрос.

Никто не собирался отвечать, да и не мог.

– Кто такой Бэнкси? – тихо спросила Полина Петровна девочку, стараясь не привлекать внимания хозяина этажа. – Просвети меня, пожалуйста.

Девочка с удовольствием начала рассказывать. Делала она это эмоционально и, надо отдать должное, интересно, поэтому быстро завоевала всеобщее внимание, отправив Константина с его истерикой на задний план.

– Никто не знает, кто такой Бэнкси на самом деле. Этот художник начинал с граффити на улицах Лондона, а сейчас его картины продаются за миллионы фунтов. Однажды от имени Бэнкси на аукционе... – девочка остановилась, видимо, забыв название, и посмотрела на отца.

– «Сотбис», – помог ей тот и улыбнулся, как улыбаются только самому дорогому человеку.

– Да, точно. На нем была выставлена картина «Девочка с воздушным шаром», и вот, как только аукционист стукнул своим молоточком со словом «продано»...

– Чуть больше, чем за миллион фунтов, на минуточку, – отец вновь помог дочери, и Полина Петровна как педагог с большим опытом поняла, что между этими двумя царит полная гармония, и порадовалась этому. А может, даже чуточку позавидовала.

– Да, – продолжала восторженно девочка, – за бешеные деньжищи была продана картина! Но после удара молотком, который означал конец торгов, она начала вот точно так же съезжать и разрезаться на мелкие полоски. Это круто! – Она вновь с невероятно счастливой улыбкой на лице уставилась на то, что осталось от плаката.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.